

*...И вдвоем по тропе — навстречу судьбе,
Не гадая, в ад или в рай.
Так и надо идти, не страшась пути,
Хоть на край земли, хоть за край...*

Р. Киплинг

КАК ВСЕ НАЧАЛОСЬ

В конце февраля 1979 года мой будущий муж Александр Подрабинек позвонил мне в Москву из Сибири, куда он был отправлен в ссылку, и предложил руку, сердце и «край света» в придачу. Он и сам не знал тогда, как далеко он меня зовет. Как потом оказалось — действительно на край света...

В 1978 году на Западе вышла его книга «Карательная медицина», в которой были описаны случаи использования психиатрии в политических целях в нашей стране. В Москве по этому факту было возбуждено уголовное дело, Сашу обвинили в распространении измышлений, порочащих советский государственный строй — статья 190-прим Уголовного кодекса того времени, судили и приговорили к пяти годам ссылки, существовал тогда такой вид наказания.

Местом отбывания ссылки ему был назначен небольшой поселок Чуна в Иркутской области. У поселка была уже ссыльная история: до этого там по той же причине четыре года прожили Анатолий Марченко и Лариса Богораз, и Сашу по этапу привезли в Чуну вскоре после того, как их срок закончился.

Пятого марта я приехала туда, и первые дни нашей семейной жизни прошли в том самом домике, который снимали Лариса Иосифовна и Анатолий Тихонович.

Уезжая из Москвы, я собиралась весьма основательно. Но зима заканчивалась, и, хотя меня и пугали сибирскими морозами, зимнюю одежду я не взяла, поехала в легком коротком пальто из верблюжьей шерсти, первых своих «настоящих» джинсах (тогда это была о-го-го какая одежда!), темно-зеленой вязаной шапке и таком же длинном шарфе. Но солнышко уже грело, пахло весной, и я совсем не боялась замерзнуть. Добраться в Чуну было проще не от Иркутска, а от Красноярска, куда я прилетела на самолете, а дальше — всего-то ночь на поезде, который еле полз, останавливаясь у каждого столба.

Мой будущий муж встречал меня на станции. Был очень солнечный день, снег слепил глаза, и капель приветствовала меня своим звоном из-под каждой крыши. Саша навьючил на себя все мои рюкзаки и чемоданы, не позволив мне нести даже самую легкую сумку. Его же самого почти не было видно под грузом багажа: кроме своих вещей я привезла гостинцы от московских друзей, книги, какие-то продукты. Потом он признался, что никогда не носил таких тяжестей, но виду не показывал — держал марку.

Хозяин домика Володя принял нас тепло, и его уважение к прежним постояльцам очень чувствовалось, а нас, конечно, очень грело их недавнее присутствие. Его старый, но крепкий дом со ставнями, разрисованными красными и синими геометрическими фигурами, был большой, и Володя выделил нам отдельную комнату. Я очень хорошо помню ее: до нашего приезда она служила чем-то вроде мастерской: кроме большой кровати с никелированными спинками и стола в углу, там больше не было никакой мебели, но вся она была заставлена коробками с инстру-

ментами и банками с гвоздями и шурупами, а теперь еще и моими чемоданами и сумками. Солнечный луч наискосок пронизывал ее от окошка до стены, упираясь в маленькое красно-золотистое пятнышко — там на полке лежала круглая железная баночка с вьетнамским бальзамом и закатное солнышко заставляло ее сиять и вспыхивать.

Избавившись от вещей, мы пошли на почту, чтобы позвонить в Москву и сообщить, что я добралась и все у нас в порядке. Там я стала объектом пристального внимания: девчонки, работавшие на почте, примерно мои ровесницы, были невольными свидетелями телефонного признания в любви, очень переживали за Сашу, и я даже не поняла сначала, почему они так просияли при виде меня и счастливо выдохнули: «Приехала!..»

Сашу привезли в Чуну в первых числах нового 1979 года, и он успел пожить в гостинице, потом снимал какое-то время крошечный домик-балок* и вот теперь ждал моего приезда у Володи. За два месяца он оброс знакомыми, и многие приветливо здоровались с нами, когда мы гуляли по поселку, держась за руки.

Совсем рядом с Чуной пролегла «стройка века», БАМ — Байкало-Амурская магистраль. То было время самого разгара и расцвета ее строительства и навязшего на зубах его прославления. Газеты посвящали «стройке века» первые полосы, придворные поэты без усталы рифмовали БАМ с местоимениями «вам» и «нам», известные певцы, захлебываясь фальшивым пафосом, неустанно восхваляли строителей:

* Балок — передвижной дом на полозьях для временного жилья.

Слышишь, время гудит — БАМ!
На просторах крутых — БАМ!
И большая тайга покоряется нам.
Слышишь, время гудит — БАМ!
На просторах крутых — БАМ! —
Это колокол наших сердец молодых.

Музыка Оскара Фельцмана, слова Роберта Рождественского... В общем, песни о том, как «вся страна в едином порыве» создавала эту дорогу, на которой работали и студенческие стройотряды, и военные, и местное население, звучали на всех углах. Задолго до этой шумихи строительство тихо осуществлялось руками заключенных, а к восьмидесятым работающим на БАМе стали в шутку называть забайкальскими комсомольцами, попросту — з/к.

Для приехавших строить дорогу все же пытались создать какие-то человеческие условия и даже как-то старались их поощрить. Для этого открывались магазины, полные импортных товаров, каких в Москве днем с огнем не сыскать, разве что в магазине для иностранцев, куда был закрыт вход простым смертным. В нашем чунском магазине для строителей БАМа товары были в основном японские. За несколько дней до моего приезда мне исполнилось двадцать три года, и Саша купил там очень красивый и теплый свитер в подарок к моему дню рождения. Через пару недель этот свитер буквально спас мне жизнь, и потом я еще много лет носила его. Еще мы вместе купили там зонтик для кого-то из московских друзей, его ярлычок с тремя слониками был знаком высшего качества, а сам он — признаком респектабельности и почти роско-

ши — Москву уже накрыло ватным одеялом тотального дефицита.

Володя жил один. У него был крошечный толстопалый щенок, которым он очень гордился. Говорил, что он вырастет в огромного и умнейшего пса, хорошего охотника и верного друга. Звали щенка Ю-Вэ. Мы угощали его московскими конфетами, он смешно чмокал, а Володя велел нам подержать конфеты во рту, прежде чем давать ему, тогда он запомнит нас на всю жизнь и будет воспринимать как своих. Порода у Ю-Вэ была редкая, Володя долго искал такого, возился с ним очень трогательно и, пока на улице было снежно и холодно, держал его дома. Мы собирались жить в этих краях долго, и нас грела мысль, что скоро вырастет огромная собака, которая никогда не залает на нас и будет нас знать и любить.

К моему приезду было уже совершенно ясно, что здесь, в самом поселке, работы по специальности Саше не дадут и надо искать ее в ближних и дальних окрестностях Чунского района, которым была ограничена Сашина ссылка и за пределы которого ему нельзя было выезжать. В прошлом у него была довольно большая практика работы на скорой помощи, и он не соглашался ни на какую другую работу, кроме любимой медицинской. И такая нашлась в восьмидесяти километрах от Чуны, в небольшой, на шестьдесят дворов, деревеньке под названием Бармакон. Там уже несколько лет не было вообще никакой медицины и никого не волновала политическая неблагонадежность нового доктора. Новому доктору даже жилье предоставили — большую избу, половину которой занимал запущенный и почти разоренный медпункт, где Саше предстояло работать, и две комнаты для нас с отдельным входом и собственной печ-

кой. Деревня стояла на высоком берегу реки, а наши окна выходили прямо на лес, самую настоящую тайгу.

Прожив несколько дней у гостеприимного Володи, мы отправились в это новое пристанище. Добираться туда было непросто. Первые пятьдесят километров до поселка Каменск еще ничего, просто на поезде, а вот последние тридцать... Никакого транспорта, кроме курсировавших между Каменском и Бармаконом лесовозов, не было. Впрочем, ездили они часто и попутчиков брали безропотно и бесплатно. До этого я и не представляла себе, что бывают такие машины. Они возили самый лучший, отборный лес — ангарскую сосну, многометровые деревья, и были сами весьма и весьма внушительного вида. Во всяком случае, подножка кабины начиналась примерно на уровне моего лица. Сначала туда как-то хитро, по колесу, залезал Саша, а потом втягивал меня за руки, как куль с мукой. Спускаться было легче: сначала спрыгивал он и ловил-подхватывал меня. Дорога была невероятно красивая. Снег — сахарно-белый, с двух сторон уходили в небо кедры и корабельные сосны, а воздух с привкусом хвои — чистейший и вкусный. Потом тайга расступилась, и мы по льду переезжали реку Чуну, довольно широкую. Проезжали мимо закованного в лед парома и думали о том, какая красота здесь будет, когда лед растает. Когда вышли из машины, на нас обрушились деревенские запахи — печного дыма, коровьего навоза и свежееиспеченного хлеба.

Таежная деревня Бармакон очень старая и носит название, данное ей еще старожилками-эвенками. Но к нашему приезду никаких эвенков там уже не было. Жило человек двести в старых рубленых избах с печным отоплением, как водится в русских деревнях. Там была начальная школа, в ко-

торой преподавала одна-единственная молоденькая учительница, теперь появился врач, и для классического трио деревенской интеллигенции не хватало только священника.

В нашем доме были маленькие сени и две комнаты. Огромная печка, и, пока она топилась, можно было приготовить еду на ее плите. В одной комнате стояли узкая железная кровать с провисшей сеткой и маленький колченогий стол, в углу — рукомойник с большим эмалированным тазом под ним вместо раковины, и больше ничегошеньки в этом доме не было. Вторая комната была совсем пустой. В первый же день нам привезли машину распиленных дров. Колоть мы не очень умели, но как-то приспособились. Чурбаки были такие огромные, что самый большой мы тут же вкатили в дом и приспособили в качестве обеденного стола, а парочку других, поменьше, — вместо стульев. Как уютно у нас стало!

В деревне кроме начальной школы были пекарня и маленький магазин, в котором на одних весах с гирьками взвешивали ржавую селедку из бочки и слипшиеся конфеты-подушечки. Тут же продавали одежду, белье, керосин, посуду и игрушки. Почты и телефона не было, и связь для всяких экстренных случаев была только по рации. Была еще контора, которая как-то регулировала деревенскую жизнь и поддерживала связь с внешним миром. Сюда же время от времени привозили почтовую корреспонденцию для всей деревни.

Конечно, мы вызвали у местных жителей невероятный интерес, впрочем вполне доброжелательный. А особенно интересовалась и заискивала продавщица магазина и по совместительству пекариха Антонина, потому что прибывшая в нашем лице медицина призвана была осуществлять еще

и санитарный контроль над вверенными ей объектами. Она торговала в сельской лавке, а дважды в неделю пекла хлеб на всю деревню — прямоугольные сероватые буханки, которые все называли булками, и продавала их в своем магазине.

С утра Саша уходил на работу — лечить соскучившихся по этому невеселому делу людей, разгрести завалы, читать истории болезней (и вечером смешить меня выписками из них — официальными диагнозами типа «фурункул правой полужопицы»), а я топила печку, готовила еду и ужасно веселилась, когда, не обращая внимания на легкий морозец, выскакивала по разным надобностям на крылечко в зеленом кружевном, до пола, пеньюаре, подаренном мне друзьями перед отъездом. Наверное, это выглядело очень смешно.

Лечиться пациенты пошли косяком в первый же день. Полечившись и пообщавшись душевно с доктором, они обходили избу и шли знакомиться и общаться с докторшей, то есть с вашей покорной слугой, неся мне от чистого сердца прекрасные деревенские дары. За пару дней в сених скопились весьма значительные припасы: пороссячья нога, жбанчик с квашеной капустой, щедро пересыпанной тмином, какое-то количество свежих яиц и молока. Саша строгонастрого запретил мне принимать эти подарки, но отказываться было невозможно, это обижало людей до слез.

В один из первых дней пекариха Антонина, женщина чрезвычайно предприимчивая и жившая через несколько домов от нашего, пригласила нас в гости, решив сразу взять быка за рога и избежать таким образом проблем с санитарным контролем. Угощала жареным глухарем и пельменями из трех сортов мяса, в том числе и медвежа-

тины, щедро подливая мутноватую самогонку. Это была чуть ли не самая богатая семья в деревне. Их дети уже учились в начальной школе и теперь жили в интернате за рекой, в Каменске, приезжая домой только на каникулы.

Муж Антонины, охотник, изрядно выпив, поглядел на мое утлое пальтецо и сказал покровительственно, что я замерзну в нем в два счета, но ничего, к следующей зиме он настреляет мне лисичек на шубку... Незадолго до нашего приезда, не зная, куда девать себя и накопленные деньги, он купил новенькие «Жигули», но ездить на них было некуда, дороги годились только для лесовозов, и он по воскресеньям катался на своей красной машине по деревне из конца в конец, пугая ошалевших кур.

Соседи сказали, что у нас отличный огород, но пока оценить его не было никакой возможности: снег еще лежал такой, что, бродя по участку в поисках туалетной будки, мы увидели только ее крышу. Видимо, стояла она в низине. Так что глубина снежного покрова впечатляла. Попробовали прорыть туда дорожку, но снег к весне слежался и покрылся прочным, поджаренным на весеннем солнце настом, и нам удалось лишь отколоть небольшие льдистые и тяжелые его куски. Пришлось прекратить дорожные работы и предоставить самой природе довести это дело до конца. А она обещала все исправить совсем скоро — днем уже хорошо припекало солнце и капель яростно звенела под каждой крышей, к вечеру намерзая частоколом длинных сосулек.

Прожив так чуть больше недели, мы решили съездить в Чуну и прикупить какой-нибудь мебели. Наши чурбаки были, конечно, шикарные, но не хватало шкафа, каких-

нибудь полок да и других жизненно необходимых предметов: веника, посуды и всяких нужных мелочей.

16 марта была суббота, и мы собрались в Чуну на два дня, чтобы первый посвятить хозяйственным делам и покупкам, а второй — отдыху и развлечениям. Да-да! Там была гостиница, а при ней ресторан! Соседи, с которыми мы уже перезнакомились, надавали нам кучу поручений — кому-то тоже нужен был веник, кому-то электрические лампочки, словом, целый список.

Да кстати, накануне нам передали из конторы пришедшее по радию сообщение, что Сашу зачем-то срочно вызывают в Чунское отделение милиции.

Приехали, побежали по магазинам. В мебельном купили отличный шкаф с проломленной задней стенкой, нам его за полцены продали, полки какие-то, два стула, что-то еще. Договорились с местными шоферами о доставке в ближайшие недели. Огромный рюкзак постепенно наполнялся: эмалированная хлебница, почтовый ящик, резиновый коврик, два веника, кое-какая посуда, лампочки... Весь день прошел в этих хлопотах, в милицию мы не успевали и решили, что пойдем туда завтра.

Переночевали у Володи. Ю-Вэ узнал нас и так вилял хвостиком, что падал от усердия на бок. Дом стоял на очень тихой улочке, но утром нас разбудил шум машины, несколько раз проехавшей мимо дома. Выглянули в окно, увидели милицейский газик. Ну, мало ли газиков ездит... Но как-то не по себе стало. Собрались, забрали свой рюкзак, чтобы потом не возвращаться, и пошли в милицию.

Дойти не успели: тот самый газик, ехавший нам навстречу, затормозил перед нами так резко, что его занес-

ло. Выскочившие из него люди в форме очень обрадовались нам, сказали, что нас давно ждут в милиции и нам нужно срочно ехать туда. Поехали.

Там пригласили в кабинет, где за столом сидел толстый чин с «мордообразным» лицом, который с ходу задал Сане вопрос, показавшийся нам совершенно дурацким:

— Как вы здесь оказались?

— Как-как! По этапу! — ответил он.

Чин раздулся еще больше и, перебирая какие-то бумажки и не глядя нам в глаза, сказал, что произошла ошибка, место ссылки перепутано. Что виновные в этом будут наказаны, а нам предстоит немедленно, в сопровождении конвоя, следовать на правильное место. Впрочем, Саша может следовать один, а я могу съездить в Бармакон за нашими вещами, а потом его догнать. При этом, куда повезут, не сказал. Я вспомнила лесовозы, вцепилась в суженого и сказала, что бог с ними, с вещами, я сразу поеду с ним. Мне милостиво разрешили, предупредив, что его-то повезут за казенный счет, а вот мне придется раскошелиться на дорогу. У нас оставалось немного денег после наших многочисленных покупок, и другого выбора не было.

Тот же газик довез нас до железнодорожной станции, и меньше чем через час мы, в чем были, с нашими вениками и почтовым ящиком, катили на поезде в Братск в сопровождении двух конвойных в форме, нормальных, в общем-то, мужиков, не очень понимающих, что происходит и зачем нас нужно куда-то везти. Конкретное место ссылки они назвать не могли, сказали только, что это один из райцентров Якутии и что у них разрядка довести нас до Якутска, а дальше уже не их проблемы. В братском аэропорту мы

оказались поздно вечером. Наши конвойные, понимая, что куда мы не денемся, следили за нами не очень строго. За руки, во всяком случае, не держали. В ожидании рейса на Якутск отпустили в буфет поесть. Разнообразием буфет не баловал: дрянной кофе, еле теплый, такой же чай, большие и невкусные булки да бутерброды с салом. В жарком воздухе буфета сало лежало на толсто нарезанном сером хлебе белыми раскисшими тряпочками.

В зале аэропорта стояли междугородние автоматы, и я отошла позвонить в Москву. В отличие от Сашки я была человеком вольным и мне не требовалось на это разрешение конвоя.

А день этот был воскресный, и мы знали, что дома в Москве именно в этот день и в это самое время (с учетом разницы в часовых поясах) отмечают день рождения моего маленького племянника и дом полон друзей и знакомых. Я на удивление быстро дозвонилась и просто убила всех нашими новостями. Сейчас, когда я сама уже стала мамой взрослых детей, я представляю, что почувствовала тогда моя мама, и внутренне содрогаюсь: я ведь до этого была очень домашней девочкой и никогда куда не уезжала...

После покупки мне билета до Якутска, буфета и междугороднего звонка у нас осталось шестнадцать рублей. Все происходило, как в дурном кино. Через несколько часов, глубокой ночью, мы приземлились в аэропорту Якутска. Перед тем как выпустить нас из самолета, стюардесса надела тулуп и, пока я таранилась на ее невиданные мною дотоле сапожки, сшитые из гладкого блестящего меха и украшенные вышивкой и бисером, сказала, что за бортом минус сорок пять градусов и легкая метель.

ЯКУТИЯ

А в Москве тем временем наши друзья и знакомые замечались в желании нам хоть как-нибудь помочь. Они начали обзванивать друзей и друзей друзей и по цепочке нашли своих людей в Якутске, что было совсем уж невероятно.

И когда мы вышли из еще гудящего самолета в черную снежную ночь, ударившую еще невиданным нами холодом, у трапа стояли мужчина и женщина и приветливо махали нам руками. Порядки в якутском аэропорту были простые, там встречающих подпускали к самому самолету.

Конвоиры были поражены не меньше нас, и один из них то ли с негодованием, то ли с восхищением пробормотал, что во, мол, дают эти диссиденты, везде у них есть связи! Но встречали нас не только наши будущие друзья. И пообщаться с ними у нас не очень получилось. Рядом с трапом стоял самый настоящий воронок, в который нас и посадили, почти втокнули. Нам успели только прокричать адрес — улицу и номер дома — и пятизначный номер телефона, которые тут же намертво врезались в наши ошалевшие от всего происходящего мозги.

Вот не знаю, кто еще, кроме нас, ездил в свадебное путешествие в воронке! Ехать в этой промороженной железной клетке было даже интересно, хотя и несколько унижительно — сколько воров и убийц держались за эти прутья...

Нас привезли в МВД Якутии и велели подождать в коридоре. Было два часа ночи, и мимо нас бегали какие-то заспанные генералы — задали мы им работы! Они собрались в кабинете, но нас туда не пустили, да мы не очень-то и рвались. Вскоре из кабинета вышли наши конвойные и попрощались с нами вполне приветливо, сказав, что они свою работу выполнили и тем же самолетом возвращаются в Братск, а что будет с нами, они не знают: это решается сейчас за закрытыми дверями и кажется, те, кто это решает, сами не знают, что с нами делать.

На нас навалилась какая-то страшная усталость. Очень хотелось спать, но предстоящая неизвестность не давала даже задремать. Прижавшись друг к другу, мы ждали решения своей судьбы. На всякий случай разделили оставшиеся деньги поровну. Пополам разломали булку, купленную еще в братском буфете. То была крошечная передышка перед тем, что произошло дальше.

А дальше все закрутилось очень быстро. Генералы вышли из кабинета и предложили следовать за ними. У подъезда стоял наш, ставший уже родным, воронок. И сказали нам вот что: Саша сейчас поедет в следственный изолятор, то есть в тюрьму, и будет находиться там до тех пор, пока не наберется достаточное количество людей, чтобы отправить их этапом к назначенному месту ссылки, а мне предложили поискать гостиницу и устраивать свою жизнь самой. Я стала просить, чтобы меня тоже взяли в тюрьму, но они оторвали меня от Саши, как пластырь, впихнули его в воронок и увезли вместе с хлебницей и вениками, а я осталась одна с восемью рублями в кармане и половиной булки в руке. Кстати, они так и не сказали, что это за назначенное место.

Я стояла на пустой улице и пока еще не чувствовала лютого холода — все затмило ужасное горе от того, что нас разлучили. Медленно побрела, сама не зная куда, съжившись от страха и нереальности происходящего. Меня обступила колючая тьма. Я оказалась в городе-призраке, где не было ни людей, ни машин, ни огней. Особенностью этого города была теплотрасса, проложенная не под землей, как везде, а над ней. Всюду тянулись укутанные в рваные изоляционные материалы унылые трубы, выложенные над дорогами в виде унылых прямоугольных ворот. Сыпался легкий, но очень колючий снежок. Вернее, он даже не сыпался, а как бы стоял в воздухе — миллиарды маленьких острых иголочек. В Якутске тогда уже запирали на ночь все подъезды от бомжей, которых там водилось превеликое множество. Но ни единой души на улице не было. Все-все-все было закрыто. Я была одна в целом мире, и этот мир был настроен очень враждебно. Очень скоро я начала замерзать. Было так холодно в ту ночь, что и бомжи и собаки попрятались. Может, и хорошо, что холодно и что попрятались, — я не стала их легкой добычей.

Глядя на мрачные коробки домов и в пустое небо, я вдруг поняла, что на свете есть только я и Бог. Это было как озарение, я никогда раньше не задумывалась о Боге. Я перестала бояться, одним концом шарфа обмотала лицо, другим — правую руку. Я правша, и ее мне больше жалко. Отмораживать левую тоже, конечно, не хотелось, но кожаные перчатки были совсем тонкие. Искать гостиницу нет смысла — денег для этого явно не хватает. Монеток для телефона-автомата у меня нет, и взять их негде, так что позвонить тем людям я не могла, хотя отлично помни-

ла номер телефона. Впрочем, не помню, чтобы мне попались телефонные автоматы на моем пути.

Я побежала искать названную мне улицу, а чтобы Бог не оставлял меня ни на минуту, все время разговаривала с Ним. Я знала единственную молитву, «Отче наш», которой в детстве меня научила мама, и читала ее бесчисленное число раз. Сначала шепотом, потом, поняв, что, кроме Него, меня все равно никто не слышит, — криком. Я бежала по темным и пустым улицам и кричала «Отче наш». Я очень замерзла, и время, казалось, тоже замерзло и остановилось. Я пробегала так пять часов, совсем этого не понимая. И, хотя не спала уже почти сутки, у меня совсем не было соблазна привалиться к какому-нибудь забору и уснуть. Откуда-то я знала, что все обойдется. Потом, поближе познакомившись с этим довольно большим городом, я выяснила, что моя отправная точка была в центре, а нужный мне дом — не так уж далеко, на автобусе я доехала бы за полчаса.

Ближе к утру, когда появились первые прохожие, поиски мои пошли быстрее. В семь часов утра я, не чуя ни рук ни ног, поскреблась в дверь маленького двухэтажного особнячка, в котором жили встретившие нас в аэропорту люди, и наконец расплакалась.

Меня напоили горячим чаем, водкой с медом, растерли спиртом, накормили, уложили в постель и укутали одеялами. Забегая вперед, скажу, что даже без насморка все обошлось, только кожа на лице потрескалась от мороза, но и это потом быстро прошло.

Три дня я прожила у этих замечательных людей — Павла Башкирова и Аси Габышевой, и они относились ко мне

как к самой дорогой гостье. Нашли для меня теплую одежду, каждый день сопровождали в бесконечной беготне по замороженному городу, пока я обивала пороги разных учреждений, пытаюсь понять, где мой любимый и что с нами будет дальше. Павел, сам отсидевший по политической статье и недавно освободившийся, очень помогал мне, уча разным премудростям и особенностям местной жизни. Его жена Ася — якутка, очень красивая, с точной фигурой, работала в якутском Национальном художественном музее, основателем которого был ее отец. И жили они в доме-музее, когда-то принадлежавшем ему. Этот деревянный дом был странной пятиугольной формы и со своими бело-розовыми стенами очень отличался от окружающих его домов. Никаких номеров и указателей на нем не было, что очень осложнило мои поиски.

Из прокуратуры меня отфутболили в МВД, в МВД отказывались со мной разговаривать, ссылаясь на то, что я своему мужу вообще никто, мы ведь не успели расписаться в загсе. В следственном изоляторе по той же причине не приняли передачу, но как-то полуофициально сообщили, что Саша в списке этапиремых в поселок Усть-Нера. Чтобы сразу было понятно: это центр Оймяконского района, на тысячу сто километров северо-восточнее Якутска. Сразу вспомнились школьные уроки географии и название Оймякон. Самый холодный населенный пункт на Земле... Я и представить себе не могла, что когда-нибудь окажусь там!

Пока я как заведенная бегала по этому дурацкому кругу, Саша, чтобы ускорить события, объявил голодовку. Был какой-то закон, согласно которому держащих голодовку не этапируют после ее четвертого дня. Расчет его оказался аб-